

ПОКУШЕНИЕ

Д-р Генрих Вальтер

Санитарный поезд медленно тянулся по южному краю долины Вислы к Кракову. Над долиной сгущались сумерки. Зелень лугов и желтизна полей смешивались с серым небом, на горизонте примешивалась алая полоска заката.

Вальтер высунул голову в открытое окно и мечтательно смотрел вдаль. Собственно, и не смотрел, а просто наслаждался свежим воздухом. Легкий ветерок оведал его лоб, нос, ресницы. То и дело он закрывал глаза от удовольствия. На какую-то долю секунды в его глазах отразился этот вечерний ландшафт, но тут же растворился под стук колес и покачивание вагонов. Поезд возвращался домой, в рейх.

За спиной Вальтера в купе дремали в полузабытьи больные и легкораненые. Некоторые вытянули руки, насколько это позволяли их гипсовые повязки. Их головы покачивались в такт движения поезда, как колосья спелой ржи на теплом ветру.

У кого-то подбородок упирался в грудь, кто-то открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыба. Расслабленные или, наоборот, напряженные лица были выражением нужды, страдания. Все человеческое на этих лицах сократилось до гаммы страдания, противостояния, терпения. Grimаса боли искажала то, что не было спрятано под посеревшей повязкой, и господствовала как в борьбе, когда сила воли преобладала над болью. Только наиболее стойкие из них играли в карты, но как-то вяло и словно по инерции, с учетом состояния тех, которые спали и пытались сейчас в этой дремоте забыть пережитое последних дней, недель, лет.

Вальтер был не один в проходе вагона. Другие тоже смотрели в окно, наблюдая наступление ночи. О них он не знал ничего, кроме связывающих их совместных событий этой войны.

Рядом с ним стоял кто-то, кого он видел лишь краем глаза. Ни его чина, ни его наград – ничего этого в памяти Вальтера не сохранилось. Тут в вагон вошел врач – офицер санитарного поезда. Уже издали раздавался его голос, своими скучными интонациями напоминающий кондуктора или официанта в вагоне-ресторане: "Предъявите, пожалуйста, билеты!" или "Прошу пройти на ужин!".

Но нет, то, что воскликнул врач – как и большинство стоящих в проходе солдат, он был с бородой, – было необычайно и волнующе:

"Покушение на фюрера!", "Покушение на фюрера!".

Врач пробирался по вагону. По его лицу трудно было определить, что для него это значило. Головы зашевелились. В купе тоже возникло движение. Как будто в ответ на эту новость поезд ускорил свой ход.

Покачивание вагонов, стук колес и все движение поезда стали как бы еще интенсивнее. Вальтера новость тоже взволновала.

Оглянувшись, он увидел в купе очнувшиеся оживленные лица, движения губ как в немом кино – двери купе были закрыты. Тут его взгляд упал на стоящего рядом соседа у окна. В полутьме ландшафта Вислы и слабого освещения вагона их взгляды встретились. Одновременно они повернулись друг к другу. На какую-то долю секунды их глаза испытывающе смотрели, выдавая работу мысли. Были ли это неопределенные импульсы? Нечто

вроде улыбки промелькнуло в глазах соседа Вальтера, похожее испытывал и он сам. Был ли это сигнал выйти из укрытия, довериться другому?

"Надеюсь, удачно!" – прошептал тот, словно отвечая мыслям Вальтера, которые он еще не отважился произнести. А Вальтер? Сердце у него стучало где-то под горлом, у него вырвалось: "Да, хорошо бы..."

Потом они улыбнулись друг другу, оглянулись и отошли от окна. Каждый пошел в свое купе, все растворилось в тумане воспоминания. Вальтер не помнит, говорили ли в ту ночь в купе. В его купе все снова заснуло. Телесные страдания затмевали духовную силу пережитого.

Поезд ехал в рейх. В М. многие попали в большой лазарет. Вальтер оказался в 8-местной палате легкораненых. В ней все были одинаково взволнованы. Сыпались вопросы... Информация о сестрах, врачах. Многие мнения сплелись в нераспутываемый клубок. Разочарование и радость сплелись в единое целое.

"Вот черт, не получилось!", "Что ты думаешь?" – Вальтер был втянут в дискуссию, как в водоворот. Он был во власти этого настроения. "Что ты говоришь?", "Да, жалко!", "Война бы теперь быстрее закончилась!", "Да, но русские!", "Американцы, союзники на Западе тоже не очень далеко!", "Ах, если мы капитулируем, они через пару дней займут всю Германию", "Но теперь все продолжается!", "Неужели будет еще хуже?"

Все семеро, как казалось Вальтеру, были одного мнения, все восемь, вместе с ним, имели одну цель – пережить эту войну, протянуть время до ее окончания. Играли в шахматы, иногда в карты, смеялись. Все были на удивление как-то по-братски откровенны друг с другом.

Высокий, широкоплечий напоминал ему вожака в их классе. Как давно все это было! Что только не произошло за это время! Жив ли он? Он был восторженным сторонником режима, с волевым характером, настоящий вожак, способный стать героем. Этот здесь, не похож ли он на него? Но как просветленный, словно из Савла он превратился в Павла. Что так преобразило его? Какое событие?

"Нам многое надо восстановить!". Странно, при этих словах глаза его загорелись. Он как бы смотрел в невидимое будущее. Но будущее, более светлое, которое влекло, притягивало к себе, которое требовало если не героев, то, по крайней мере, активных людей, людей дела. В глазах соседа по палате светился огонек, они

излучали смесь тоски и жажды жизни. Все это было впереди, здесь же, в лазарете, эта энергия была подавлена, но ждала выхода. Только в незначительных поступках это проявлялось. Высокий любил убирать за другими посуду, помогал медсестрам, старался всем понравиться. Остальные позволяли ему это, просто радовались его помощи. В этой 8-местной палате царилла какая-то очень приятная атмосфера.

Спустя несколько дней Вальтер оказался в другой палате, 4-местной. Его перевели – непонятно по какой причине, и здесь были другие товарищи по комнате. Когда темноволосая, стройная медсестра с правильными чертами лица помогла ему лечь в постель, его соседи справа еще спали. Сосед слева сидел в своей кровати и ел шпинат с пюре и яичницей. Вальтеру врезался в память этот эпизод, как осколок снаряда, как письмо из дома.

Этот сосед слева имел нездоровый цвет лица, коротко стриженные, белокурые, зачесанные назад волосы. У него был гастрит, поэтому он был на диете.

Потом проснулись оба соседа справа. "А, новенький, привет!" Пара незначительных слов, обмен мнениями и вдруг вопрос, как бы невзначай, без любопытства, просто для поддержания разговора: "Ну, а что ты скажешь о покушении?". Но прежде чем Вальтер смог и захотел ответить, вмешивается сосед слева. Вмешивается? Он лезет напролом, видно, что ему здесь все подчиняются. На его бледном, отечном лице горят глаза, возбужденно и экзальтированно выкрикивает он свои излияния: "Богу было угодно, чтобы он победоносно вывел нас из этой войны. Это мне только сейчас стало ясно, после этого трусливого покушения, и если кто-то другого мнения...". Его голос крепнет. Он почти орет в экстазе. Белая, помятая ночная рубашка обнажает часть груди. "Кто другого мнения, – орет он тонким фальцетом, – того я собственноручно застрелю!"

Остальные трое с удивлением переглядываются, ошеломлённые, натягивают одеяла до подбородка, почти вжимаются в свои простыни. Тут и солнце спряталось за тучу, в палате стало темнее и холоднее. Разговор заканчивается сам по себе. Да и кто мог бы возразить? Кто хочет получить пулю в лоб? Кто хочет заплатить своей жизнью за откровение?

Происходящее куда-то улечивается, растворяется, словно в тумане. А что с ними потом стало, куда они делись, как они разошлись – этого Вальтер уже не помнит.